

Бунин против Горького в 1920–1923 гг.: Поэтика и идеология

Bunin against Gorky in 1920-1923. Poetics and ideology

Резюме: Статья содержит анализ взаимоотношений Ивана Бунина и Максима Горького с художественной и идеологической точек зрения. Противостояние «Бунин – Горький» показывает, что речь идет не просто об отдельных высказываниях Горького. Бунин вступает в борьбу с горьковской позицией в целом и с самим Горьким, который становится для него символом оправдания большевизма. И борьбу Бунин ведет не только от своего имени, но и от имени всей русской эмиграции, сознавая, что это его долг и как человека, и как писателя, и как председателя правления «Союза русских литераторов и журналистов в Париже».

Ключевые слова: Бунин, Горький, поэтика, сказка, Русское зарубежье, русская революция

Summary: This article describes the relations between Ivan Bunin and Maxim Gorky with regard to artistic and ideological aspects. The Bunin-Gorky opposition shows that this is not only about isolated statements by Gorky. Bunin starts to oppose Gorky's position and the writer himself as, for Bunin, Gorky becomes a symbol of justification of Bolshevism. He pursues this fight not only for himself, but also on behalf of the entire Russian emigration, while being aware that it is his duty as a man and writer, and also as a member of the authorities of "The Union of Russian Writers and Journalists in Paris".

Key words: Bunin, Gorky, poetics, literary fairy tale, Russian emigration, Russian revolution

На протяжении многих лет И. Бунин и М. Горький стояли рядом в русском читательском сознании. Это не было близостью единомышленников в идейном или эстетическом плане, но имевшиеся до 1917 г. различия во взглядах писателей, в их отношении к литературе и жизни, не давали все же им оснований для прямого столкновения. А сама история русской литературы постоянно сводила их вместе, и сближение это началось еще до личного знакомства в Ялте в начале апреля 1899 г.

Бунин и Горький были рядом на обложках и в оглавлениях книг, на страницах газет и журналов, в критических заметках и обзорах. Приведем лишь несколько примеров разных лет. В 1895 г. июньский номер «Русского Богатства» открывается «эпизодом» Горького *Челкаш* (с. 5–35), и в том же номере печатается «очерк» Бунина *Неожиданность* (с. 123–132), позже озаглавленный автором *Вести с родины*. В журнале «Жизнь» в 1900–1901 гг. печатаются *Фома Гордеев* и *Трое* Горького, стихи, рассказ *Антоновские яблоки* и поэма *Листопад* Бунина (с посвящением Горькому). В последнем номере журнала, вышедшем в апреле 1901 г., были помещены *Песня о Буревестнике* и продолжение романа *Трое* Горького и рассказы Бунина *Туман*

и *Новая дорога*. Имена Бунина и Горького регулярно соседствуют на обложках сборников товарищества «Знание» и в каталогах этого издательства. В 1906 г. в первом номере сатирического журнала «Адская Почта» публикуются прямо перекликающиеся названиями горьковский *Мудрец* (с. 3) и стихотворение Бунина *Мудрым* (с. 5). Писатели одновременно печатаются в 1913 г. в «Современнике» и в 1916 г. в «Летописи»... Даже в списке сотрудников «большой ежедневной социал-демократической» газеты «Новая Жизнь» в 1917 г. можно найти Бунина, хотя он в итоге и не публиковался в этом горьковской издании, выходявшем под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Тема *Горький и Бунин* не раз становилась предметом рассмотрения в исследовательской литературе (см. напр.: Касторский 1956: 144–153, Нинов 1964: 130–147, Михайлов 1966: 34–61, Сурпин 1966: 195–235, Нинов 1973: 7–65). Анализировались как личные взаимоотношения писателей, так и их творческие связи. Речь в этих работах шла преимущественно о дореволюционном периоде, поскольку в дальнейшем, как отмечал А. А. Нинов, «политический разрыв, болезненный и тяжелый для обоих, омрачил их старую, почти двадцатилетнюю дружбу» (Нинов 1973: 7), хотя «даже через много лет после разрыва, в эмиграции, Бунин отдал должное этой поре» (Нинов 1973: 42).

Тем не менее, и в первой половине 1920-х гг. в читательском сознании — прежде всего в эмиграции — имена писателей продолжали стоять рядом, несмотря на их «политический разрыв». Произошло это главным образом благодаря Бунину, который теперь видел в Горьком главного идейного противника.

Первое публицистическое выступление Бунина в эмигрантской периодике — напечатанный 24 сентября 1920 г. в парижской газете «Общее Дело» очерк, который так и назывался — *О Горьком*. Очерк этот являлся композиционным и смысловым центром номера и показывал читателям, что одной из своих задач в эмиграции Бунин видит полемику с Горьким, противостояние его агитации в пользу большевиков.

Ключевым приемом в полемике с Горьким, который Бунин будет использовать и в дальнейшем, становится «столкновение» высказываний Горького разных лет. Демонстрируя, что Горький противоречит сам себе, Бунин словно заставляет оппонента спорить с самим собой. Бунин преследует двойную цель, направляя публицистический пафос и против Горького, и против большевиков. Отмечая, что в «Коммунистическом Интернационале» Горький писал о «планетарном значении тех деяний, кои совершаются русскими честнейшими революционерами», Бунин напоминает, как Горький утверждал, что это — «компания авантюристов, которые ради собственных интересов готовы на самое постыдное предательство родины, революции и пролетариата, именем которого они бесчинствуют на вакантном троне Романовых!» (Бунин 2001: 62)¹.

Упомянув, что Горький недавно «разразился новой хвалой Ленину»², Бунин свой текст строил на других выступлениях Горького — статье *Вчера и сегодня*,

¹ Здесь и далее произведения Бунина цитируются по данному изданию с указанием страницы в тексте.

² Имелся в виду очерк Горького *Владимир Ильич Ленин*, который был опубликован 20 июля в журнале «Коммунистический Интернационал» (№ 12, стб. 1927–1936) и 27 июля в газете «Петроградская Правда» (№ 164, с. 2).

напечатанной в мае 1919 г. в первом номере журнала «Коммунистический Интернационал», речи, произнесенной в Москве в Юридическом обществе в день празднования 50-летия судебных уставов 20 ноября 1914 г., и статье в газете «Новая Жизнь» от 7 (20) февраля 1918 г.

С точки зрения редакционно-газетной все эти высказывания Горького сделаны очень давно, особенно по меркам «революционного» времени, и, казалось бы, не должны становиться осенью 1920 г. темой публицистического выступления. Но ни автор, ни редакция, ни, что самое главное, читатели не обращают внимания на временную дистанцию, которая игнорируется Буниным. Обозначенное автором в названии противостояние «Бунин – Горький» показывает, что речь идет не просто об отдельных высказываниях Горького. Бунин вступает в борьбу с горьковской позицией в целом и с самим Горьким, который становится для него символом оправдания большевизма. И борьбу Бунин ведет не только от своего имени, но и от имени всей русской эмиграции, сознавая, что это его долг и как человека, и как писателя, и как председателя правления «Союза русских литераторов и журналистов в Париже».

Очерк Бунина строится на цитатах, и с высказываниями Горького, критикующими большевиков, он вроде бы солидарен, но уже в первом своем публицистическом выступлении периода эмиграции писатель делает акцент не на том, что его сближает с Горьким, а на том, что их разделяет. Он использует слова Горького для обличения большевиков, а солидарность Горького с большевиками – для обличения Горького. В финале очерка о Горьком Бунин подчеркнуто противопоставляет себя Горькому: «Думаю, что эту маленькую справку о Лениных и о „брюхе” (мне за нее в стране „планетарных деяний” вырезали бы язык!) стоит прочесть и французам» [62].

В борьбе против Горького Бунин стремится сталкивать смыслы, противодействуя пропаганде (а произведения Горького он воспринимает именно как пробольшевистскую пропаганду) пропагандистскими же методами. Очерк *О Горьком* показывает, что публицистические задачи для Бунина важнее точности и корректности цитирования. Две статьи Горького объединяются в интерпретации Бунина в одну, статья в «Новой Жизни» цитируется с купюрами, а фрагмент статьи *Вчера и сегодня* в оригинале вообще выглядят иначе.

Через несколько дней Бунин вновь декларативно противопоставляет свою позицию горьковской. 25 сентября 1920 г. он пишет открытое письмо редактору газеты «Таймс» «Суп из человеческих пальцев», которое 27 сентября публикует парижская газета «Свободные Мысли» (1920. № 2. С. 2). В «открытом письме» Бунин делает акцент на том, что он — русский писатель — отвечает двум другим писателям — русскому и английскому: «Господин редактор, до сведения моего дошло, что русский писатель Горький обратился к английскому писателю Уэллсу с престранным письмом — о супе из человеческих пальцев» [63]. Возмущение Бунина вызывает тон письма Горького, убеждающего европейцев, что «русские еще не дошли до каннибализма». «Какая в каждой строке этого письма серьезность, широта взглядов, просвещенность! — саркастически восклицает Бунин. — И вообще все так веско, внушительно, сурово и в то же время снисходительно, звучит то басом угрозы, то октавой нежности, — "поверьте, дорогой Уэллс!" — то скромным напоминанием

о своей мощи, — „не думаю, чтобы Европе удалось задушить нас, не забывайте об Азии!” — то мудрой объективностью: „я не закрываю глаза на отрицательные явления...”. А главное — какое утешение всему человечеству! В русских супах еще не плавают человеческие пальцы (...)» [64].

Бунин обращает внимание на слова, формулировки, которые использует Горький:

Допустим, хочу я сказать, что все эти слухи о людоедстве только «травля России» со стороны «буржуазных хищников», стремящихся Россию «задушить», в то время как соратники Горького так горячо пекутся о ней и любят «травить» только русских «буржуев», русских интеллигентов, русских мужиков и рабочих, не приемлющих коммунизма, русских священнослужителей, русских помещиков, русских домовладельцев и вообще всяких «контрреволюционеров и саботажников», убивая их десятками тысяч и всячески зверствуя над ними в «чрезвычайках» (...). Допустим, — говорю, — вздорность слухов о пальцах и китайцах: как, тем не менее, нравятся вам эти горьковские «еще» и «все-таки»? [65].

Как и несколькими днями раньше в «Общем Деле», Бунин в «Свободных Мыслях» не просто спорит с Горьким, а использует его публичное выступление в борьбе против большевиков:

К позору всего этого человечества, известный русский писатель совершенно серьезно принужден доказывать, что на пространстве большевистского опытного поля, именуемого советской Россией, люди "все-таки еще не дошли" до пожирания себе подобных! [65].

Названная по имени Горького страна большевиков, «горьковская Россия», Буниным подчеркнута противопоставляется России, которую можно было бы именовать «бунинской».

И в дальнейшем Бунин постоянно реагирует на выступления Горького на общественно-политические темы. При этом чаще всего он откликается не собственно на тексты Горького, а на сообщения о них в эмигрантской прессе, знакомится с позицией Горького по обзорам прессы и пересказам, в которых позиция Горького уже получает редакционную оценку и часто в соответствии с ней корректируется. Полемика с Горьким является борьбой с влиянием Горького.

Но что же делать? Влияние его очень велико, волею судеб — он очень известный русский человек, и вспомните, скольких сбил с толку его открытый переход к большевикам, его двухлетний и горячий труд плечом к плечу с «Владимиром Ильичем», с Петерсом, с Дзержинским, его акафисты советской власти! (...) После того, — сколько раз разевала рты почтенная публика, благодаря Горькому! О, он хорошо знает нашу зыбкость и силу путанья следов! Он знает, что значит к черту отшвырнуть все меры, все границы обычного,

среднего: средний человек, привыкший к мере, непременно ошалает, непременно растеряется, — подчеркивает Бунин в статье «Многогранность». — И Горький, отлично учитывая нашу нетрезвость, все пышнее и пышнее являет свою «многогранность», особенно тогда, когда ухудшаются советские делишки» (Общее дело. 1920, 5 ноября, № 113, с. 2) [77–78].

Бунин не стремится переубедить, переспорить оппонента (да и, хорошо зная Горького, понимает, что это невозможно), он ставит своей целью переубедить тех, кто может попасть под влияние Горького, прислушаться к нему — как среди эмигрантов, так и среди европейцев.

В большинстве публицистических очерков Бунина 1920 г. Горький является одной из главных мишеней. Помимо уже названных, это *Пресловутая свинья*, где речь идет, в частности, о горьковской *Беседе о труде* и *Несколько слов английскому писателю*, упоминается Горький и во второй *Записной книжке* (о публицистике Бунина см. также: Николаев 2019: 75-94).

В 1921 г. Бунин начинает очерк *Записная книжка*, опубликованный 20 июня в «Общем Деле», словами: «Опять Горький! Ну, что ж, и мы опять...» (№339, с. 2) [118]. Ранее, 4 апреля, в «Общем Деле» он цитировал свои слова о Горьком из открытого письма к редактору газеты «Таймс» в очерке *Из записной книжки*, а позже в 1921 г. напишет о Горьком в статье *Страна неограниченных возможностей* 12 января 1922 г. «Общее Дело» публикует очерк Бунина *Горький о большевиках* (№ 538. с. 2) и в том же году Горький упоминается в обеих статьях, названных *Литературные заметки*.

Важно подчеркнуть, что Бунин как публицист отвечает на публицистику Горького. В своих полемических статьях он не обращается к художественным текстам Горького. Некоторые исследователи полагают, что Горький после революции вообще перестал существовать для Бунина как художник, но на самом деле Бунин ведет в начале 1920-х годов не только публицистическую, но и художественную полемику с Горьким.

В своих стихах и рассказах Бунин постоянно вступает с Горьким то в спор, то в творческий диалог. И это диалог не только с теми произведениями, что имеют актуальный «идеологический характер». Бунин продолжает начавшийся задолго до революции заочный спор с Горьким о жизни и смерти, о «планетарном» и «домашнем», «родном».

В публицистической полемике, как мы видели, Бунин апеллировал к автору, постоянно упоминая Горького. В художественной полемике он апеллирует к образам, связанным с Горьким в читательском сознании. Разумеется, ни в коем случае нельзя говорить о том, что бунинские произведения сводятся к спору с Горьким. Творческая дискуссия с Горьким — лишь одна из составляющих поэтики этих произведений (о поэтике творчества Бунина 1920-х гг. см. Николаев 2001: 5–60). Но составляющая весьма существенная, особенно в контексте начала 1920-х гг.

Дискуссия эта начинается в первом же написанном в эмиграции стихотворении Бунина, опубликованном в газете «Общее Дело» 16 мая 1921 г. (№ 304, с. 2). Само название стихотворения — *Канарейка* — вызывало у читателей ассоциации

с известными произведениями Горького, в творчестве которого «птичьи» (назовем их условно так) образы играли важную роль: *О чижике, который лгал, и о дятле — любителе истины, Песня о соколе, Песня о буревице*³.

Тот же прием — переключку названий с заглавиями горьковских произведений — Бунин использует и в прозе начала 1920-х гг., сразу побуждая читателей вспомнить о соответствующих образах у Горького, сравнить и сделать соответствующие выводы. Так, в названии рассказа Бунина *Темир-Аксак-Хан* есть параллель с горьковским рассказом *Хан и его сын*, а в сказке *О дураке Емеле, какой вышел всех умнее* — с горьковской статьей *О дураках и прочем* и его сказкой *Про Иванушку-дурачка*.

Бунинские образы приобретают особую резкость, яркость, выпуклость, попадая в один ряд с горьковскими образами. Известность горьковских произведений позволяет Бунину рассчитывать на определенное читательское восприятие, включающее память о горьковских мотивах и в то же время требует от писателя художественного же, образного опровержения. Неожиданность, на которой построены бунинские тексты, воспринимается как неожиданность в первую очередь в сопоставлении с соответствующими произведениями Горького.

Разумеется, для Бунина значим и общелитературный контекст. Интертекстуальность является важной чертой его творчества этих лет, и историк литературы при прочтении стихотворения *Канарейка* в первую очередь вспомнит не о Горьком, а о стихотворении *Канарейка* Л. Мея. Затем должно возникнуть сравнение с другими «птичьими» образами в творчестве самого Бунина — а их было немало. Бунин нигде в художественных произведениях не называет Горького или его образы, и многие параллели — если брать произведения начала 1920-х гг. по отдельности — могут и не возникнуть в читательском сознании. И всё же анализ всех «соответствий» в комплексе позволяет говорить о сознательной художественной полемике Бунина с Горьким, о том, что Бунин стремится противодействовать не только публицистическому, но и художественному влиянию Горького. Он ориентируется на обычного, рядового читателя, который, увидев в «Общем Деле» название *Канарейка*, если не осознает, то почувствует заложенное уже на уровне названия противопоставление «соколу» и «буревице», а затем вспомнит и о жанровом горьковском обозначении «песня», когда прочтет: «Птицей вольной, изумрудной // Уж не будешь — как ни пой...» [112].

Рассказ *Темир-Аксак-Хан* был впервые опубликован в 1922 г. в первой книге литературно-художественного альманаха «Веретено» (Бунин 1922: 25–30). Темир-Аксак-Хан — это Тамерлан (1336–1405), и повествование о нем Бунин мог бы связать с историческими деяниями, тем более что едва ли не главным в походе Тамерлана на Русь стало взятие и разграбление в августе 1395 г. родного Бунину Ельца. Писатель мог бы вспомнить и том, что нашествие Тамерлана остановилось благодаря обращению к Богу, переносу иконы Владимирской Божьей Матери из Владимира в Москву. Об этом рассказывает дошедшая до наших дней древнерусская *Повесть о Темир-Аксаке* (см. Памятники... 1981). И та, и другая историческая реминисценция

³ Поэтика стихотворений Бунина *Канарейка* и *Петух на церковном кресте*, в том числе и содержащаяся в них полемика с произведениями Горького, подробно рассматривается в специальной статье, которая в настоящее время готовится в печати.

выглядели бы более чем уместно в политическом контексте 1921–1922 гг. Но Бунин идет по иному пути, что и позволяет выделить в качестве одного из главных элементов поэтики *Темир-Аксак-Хана* полемику с Горьким.

Характеризуя Темир-Аксак-Хана, Бунин пишет не о победах, не о завоеваниях, не о покоренных и разоренных землях, а о любви и о женщинах:

Не было во вселенной могущественнее и славнее хана, чем Темир-Аксак-Хан. Весь подлунный мир трепетал перед ним, и прекраснейшие в мире женщины и девушки готовы были умереть за счастье хоть на мгновение быть рабой его [163].

У Горького в рассказе *Хан и его сын* слепой нищий начинает свой рассказ о Хане фактически с того же самого:

Хан был стар, — говорил слепой, — но женщин в гареме было много у него. И они любили старика, потому что в нем было еще довольно силы и огня, и ласки его нежили и жгли, а женщины всегда будут любить того, кто умеет сильно ласкать, хотя бы и был он сед, хотя бы и в морщинах было лицо его — в силе красота, а не в нежной коже и румянце щек (Горький 1900: 67–68).

Большая часть рассказа Горького — это изложение легенды. Предшествующее ей описание мизансцены, ничего, его слушателей, ограничивается двумя абзацами:

Прислонясь спиной к ярко-коричневому стволу арбутуса, слепой нищий, татарин, начал этими словами одну из старых легенд полуострова, богатого своими воспоминаниями, а вокруг рассказчика, на камнях-обломках разрушенного временем ханского дворца — сидела группа татар в ярких халатах и в тюбетейках, шитых золотом. Вечер был и солнце тихо опускалось в море; его красные лучи пронизывали темную массу зелени вокруг развалин яркими пятнами ложились на камни, поросшие мохом, опутанные цепкой зеленью плюща. Ветер шумел в купе старых чинар, и листья их так шелестели, точно в воздухе струились невидимые глазом ручьи воды.

Голос слепого нищего был слаб и дрожал, а каменное лицо его не отражало в своих морщинах ничего, кроме покоя; заученные слова лились одно за другим, и пред слушателями вставала картина прошлых, богатых силой чувства, дней (Горький 1900: 67).

Больше Горький не возвращается к современности, с окончанием легенды заканчивая и рассказ. Произведение Бунина построено иначе: у него большую часть текста занимает рассказ о слушателях легенды. Дается и детальный портрет нищего, который должен подчеркнуть тщету всего земного, контраст нищеты и величия.

Образ нищего у Бунина играет намного более важную роль. Он не просто сказитель, он владыка владыки мира, ведь именно калекам и нищим под конец жизни Темир-Аксак-Хан вверяет свою душу:

Но перед кончиною сидел Темир-Аксак-Хан в пыли на камнях базара и целовал лохмотья проходящих калек и нищих, говоря им:

— Выньте мою душу, калеки и нищие, ибо нет в ней более даже желания желать! [163].

Бунин рисует отталкивающий портрет нищего, который должен контрастировать не только с красотой его песни, но и с былым величием героя этой песни. И в то же время нищий Бунина — человек страдающий, переживающий, страстный, прямая противоположность повторяющему заученные слова безжизненному и бесстрастному нищему Горького:

дико вопит переливчатый, страстно и безнадежно тоскливый голос; Это столетняя обезьяна в овчинной куртке и лохматом бараньем курпее, рыжем от дождей, от солнца, от времени. На коленях у него нечто вроде деревянной грубой лиры. Он согнулся — слушателям не видно его лица, видны только коричневые уши, торчащие из-под курпея. Изредка вырывая из струн резкие звуки, он вопит с нестерпимой, отчаянной скорбью [162].

У Горького жизнь, красота, любовь, величие — все в прошлом, все поглотила смерть. Горький уводит нас из современности в мир легенды, у Бунина, напротив, легенда о теще всего земного врывается в существование случайных посетителей крымской деревенской кофейни и заставляет их задуматься не только над мольбой славного Темир-Аксак-Хана, но и над собственной жизнью. Они узнают, что,

когда Господь жалился наконец над ним и освободил его от суетной славы земной и суетных земных утех, скоро распались все царства его, в запустение пришли города и дворцы, и прах песков замел их развалины под вечно синим, как драгоценная глазурь, небом и вечно пылающим, как адский огонь, солнцем... [163].

Но картине тлена и запустения противопоставляется в рассказе преодолевшая смерть песня о Хане — слава легендарная, намного пережившая суетную славу земную, душа Хана, сохранившаяся в песнях «калек и нищих».

Бунин показывает, что «та отчаянная скорбь, та *горькая* (выделено нами – Д.Н.) укоризна кому-то, которой так надрыгается она, слаще самой высокой, самой страстной радости» [163]. И эта позиция противоположна идее горьковского произведения, в котором для Хана Мосолайма эль Асваба никакая скорбь не могла быть слаще страстной радости. «Если никто тебя не любит — неразумно жить на свете», — объяснял сыну Хан перед тем как кинуться с обрыва. Горький — и нищий в его рассказе — воспевал не смерть, а такую любовь, ради которой стоило жить и из-за потери которой стоило умереть. Хан говорил, что славу и богатство он готов отдать ради одного поцелуя любимой: «Это все мертвое — одна любовь женщины жива. Нет такой любви — нет жизни у человека, нищ он, и жалки дни его» (Горький 1900: 74).

Бунин видел в рассказе Горького не утверждение жизни и любви как высшего ее проявления, а, напротив, отказ от жизни, неумение жить не только в радости, но и скорби.

Название сказки Бунина *О дураке Емеле, какой вышел всех умнее* отсылает сразу к двум произведениям Горького, созданным до революции, но опубликованным уже позже. Это статья *О дураках и прочем*, вошедшая во второе издание сборника «Статьи 1905–1916 гг.» (Пг.: Парус, 1918) (и в сборнике и при первой публикации статьи 5 октября 1917 г. отмечено, что она написана до революции), и сказка *Про Иванушку-дурачка*, подготовленная в конце 1916 г. для детского сборника издательства Парус, составленного Александром Бенуа и Корнеем Чуковским. Сборник предполагалось издать весной в 1917 г. под названием «Радуга», но в результате он вышел лишь к Новому году и назывался поэтому уже не «Радуга», а «Ёлка».

Бунин вновь обращается к фольклорному образу, но если в случае с Темир-Аксаком-Ханом у Бунина и у Горького это был образ реального исторического лица, то теперь героем произведения становится сказочный дурак. Устойчивую фольклорную жанровую форму и известный сюжет Бунин использует для контраста, сталкивая собственную интерпретацию образа с устойчивым читательским ожиданием. В героине народной сказки Бунин видит прообраз тех «Иванов Непомнящих», против которых он в 1925 г. выступит в статье *Инония и Китеж* (в которой также упоминается Горький): «есть два непримиримых мира: Толстые, сыны „святой Руси”, Святогоры, богомольцы града Китежа — и „рожи”, комсомольцы Есенины, те, коих былины называли когда-то Иванами» (Публицистика... 2000: 164).

Полемизируя с фольклорным оригиналом, Бунин уже в 1921 г. превращает Емелю, в сказке уповающего на чудо, ленивого, но смиренного, в «кривонного и раскосого Ивана с его Инонией — иначе говоря, с простым, старым, как мир, дикарством» (Публицистика: 2000: 165). Горький в статье *О дураках и прочем* также резко критиковал фольклорный тип, но он видел в образе сказочного дурака противоположное. Горький, следуя за логикой народной сказки, находил у Ивана-дурака проявление терпения, смирения, покорности — и не мог принять эти черты:

Любимый герой русских народных сказок — Иванушка-дурачок, человек, который терпеливо и покорно переносит все невзгоды жизни, преодолевая их не силою разума и деяния, а покорностью судьбе и терпением. За эту способность сказки награждают его «по щучьему велению» богатством, покоем, красивой, мудрой женой и даже королевским тронem, а действительность, — мы все по себе знаем, чем награждает суровая действительность людей излишне терпеливых...

Романский и германский фольклор изображает дурака или человеком "себе на уме", существом, которое притворяется глупым в целях самозащиты, или же относится к дураку с иронией, презрением, сарказмом.

У нас дурак "глуп до святости"; насмешливое отношение к нему пропитано добродушием, чаще же — насмешка сочувственно печальна, и в ней легко

можно уловить почтительное удивление, кроткую зависть перед счастьем глупости.

Наш сказочный дурачок всегда живет чужой силой, но не потому, что он победил силу и убедил служить ему, — нет, сила помогает дураку только из сострадания к его глупости» (Горький 1918: 196).

У Бунина герой проявляет иные качества — в образе Емели он видит не покорность, а лень, не терпение, а стремление к разрушению, а в сюжете, возводящем дурака и лентяя «по щучьему велению» на престол, предвестие краха государства.

Рассказчик в фольклоре является выразителем народной мудрости, общих взглядов и чаяний. Бунинский рассказчик — образ сатирический. Автору ненавистен не только Емеля, но и те, кто создает себе такой идеал. Публицистические задачи автора проявляются и в изображении царя, и в саркастическом комментарии по поводу любви к красному цвету («они, дурачки-то, любят красненькое» [203]), и в заключительной фразе, проводящей параллель между судьбой Емели и судьбой России: «Мол, и без меня управятся, — с государством-то!» [204].

И Горький, и Бунин единоклюбы в отрицании «счастья глупости», но художественное решение они предлагают разное. У Бунина мы видим «несчастье», которое воинствующая глупость несет государству, Горький же в сказке *Про Иванушку-дурачка* создает образ дурака притворяющегося. Хотя в статье он и объявлял таких дураков привилегией романского и германского фольклора, но на самом деле Иван и в русской сказке вовсе не глуп. И в своей сказке Горький этот ум Иванушки-дурачка подчеркивает, заставляя героя самого объяснять:

Жил-был Иванушка-дурачок, собою красавец, а что ни сделает, все у него смешно выходит — не так, как у людей. <...>

— Ну и глупый же ты! — удивляется Медведь, а Иванушка спрашивает его:

— А ты — умный?

— Я-то?

— Ну да!

— Не знаю.

— И я не знаю. Ты — злой?

— Нет. Зачем?

— А по-моему — кто зол, тот и глуп. Я вот тоже не злой. Стало быть, оба мы с тобой не дураки будем!

— Ишь ты, как вывел! — удивился Медведь (Про Иванушку...: 37–38).

В тексте публикаций указано, что Горький «пересказал» текст, заявленный как «русская народная сказка», но этот диалог Иванушки и Медведя не имеет фольклорной основы — и именно его писатель делает смысловым центром сказки.

Там, где Горький хочет обнаружить ум, Бунин продолжает видеть лишь дурака, причем дурака, диктующего свою волю всем остальным. В фольклорной или

классической литературной модели сказки про Емелю герой, прежде чем стать царем или королем, преобразается, получая от рыбы еще и мудрость.

«Наделенная отныне властью распоряжаться тунцом, Лучана тотчас же приказала ему выкинуть бочку на один из самых прекрасных и самых надежных утесов, какой только можно найти во владеньях ее отца: и ещё приказала она, чтобы Пьетро из грязнули и дурачка превратился в самого красивого и самого мудрого человека на свете», — пишет Страпарола (Страпарола 1993: 87).

В русской народной сказке дурак стремится поумнеть сам, а не по воле жены:

И лишь успел выговорить сии слова, то в ту ж минуту и появился преогромный дворец и хрустальный мост. Дурак взошел с принцессою во дворец и увидел, что в покоях весьма богатое было убранство и множество людей, как лакеев, так и всяких разносчиков, которые ожидали от дурака повеления. Дурак, видя, что все люди как люди, а он один был нехорош и глуп, захотел сделаться получше и для того говорил:

— По щучьему велению, а по моему прошенью кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезвычайно умен!

И лишь успел выговорить, то в ту ж минуту сделался так прекрасен, а притом и умён, что все удивлялись (165. *Емеля-дурак*) (Народные... 1984: 325).

Правда, еще в одном варианте у Афанасьева (устном; 166) дурак ума не просит, но там он и королем не становится: «Они приехали; король их простил, и стали вместе жить-поживать да добра наживать» (Народные... 1984: 327).

Бунин резко противопоставляет своего Емелю привычному сказочному. Его герой не стал умнее, не преобразился «по щучьему велению», а «вышел всех умнее» — именно это подчеркивается в названии и в первых строчках произведения: «Емеля был дурак, а прожил на свете так, как дай бог всякому: не сеял, не пахал и никакой работы не знал, а на печке сытенький полеживал. К самому царю на оправданье на печке ездил» [198].

Параллели с Горьким есть в большинстве рассказов, написанных и опубликованных Буниным в начале 1920-х гг. Наряду с произведениями, в которых сами названия наводят читателей на связь с Горьким, у Бунина есть и другие, где полемика не столь очевидна. Так, к примеру, песня рязанских косцов из рассказа *Косцы* заставляет вспомнить о песне молдавских сборщиков винограда из *Старухи Изергиль*, но мы можем только предполагать, стремился Бунин или нет к подобной ассоциации. А в рассказе *Безумный художник*, напротив, и проблематика, и центральный образ, и сюжет строятся на принципиальном противопоставлении горьковской позиции, но содержащиеся в тексте конкретные указания на это Бунин не считает нужным подчеркивать, выделять. Картина, которую в итоге создает художник у Бунина, напоминает другую — о которой мечтал горьковский художник, герой второй из *Сказок об Италии*:

Молодой художник, пристально глядя в даль черными глазами, тихонько говорил:

— Картина, которую я хотел бы написать, такова:

«По дороге к большому городу, не спеша, идет мальчик».

«Город лег на землю тяжелыми горами зданий, прижался к ней и стонет, и глухо ворчит. Издали кажется, как будто он — только что разрушен пожаром, над ним еще не угасло кровавое пламя заката, и кресты его церквей, вершины башен, флюгера — раскалены до красна».

«Края черных туч — тоже в огне; на красных пятнах зловеще рисуются угловатые куски огромных строений; там и тут — точно глубокие раны — сверкают стекла; разрушенный, измученный город, — место неутомимого боя за счастье, — истекает кровью, и она дымится — горячая — желтоватым, удушливым дымом» (Горький 1913: 13).

Сейчас эта параллель незаметна читателям, поскольку Горький внес позже в текст изменения. Зато по-прежнему значим другой символ горьковского влияния. Вспомним, как Хан у Горького говорил: «Если никто тебя не любит — неразумно жить на свете» (Горький 1900: 74). Этот рационализм, отвергающий вечно любящего Бога, и ведет, как показывает Бунин, от жизни к смерти и оборачивается безумием. С точки зрения Бунина, пагубность позиции Горького заключается, в частности, в том, что смерть затмевает жизнь, когда вера заменяется знанием. И он показывает это в рассказе *Безумный художник*.

Приехавший в город под Рождество, 24-го декабря 1916 г., художник восклицает: «В мире, мой друг, нет праздника выше Рождества. И нет таинства, равного рождению человека. Последний миг кровавого, старого мира! Рождается новый человек!» [175]. Но он не идет в храм славить Рождение Христа: «Я боюсь церковью и часовен» [176]. Солнце ему заменяют оплывшие свечи, вместо холста, кисти и масляных красок у него «большой лист шершавого картона и цветные карандаши» [177]. Где он их покупает? Убегая от часовни на главной площади, к которой его привез извозчик, художник попадает в магазин, который называется, как и знаменитое издательское товарищество, в котором когда-то вместе публиковались Горький и Бунин, — «Знание».

Источники:

Бунин И., 1922, *Темир-Аксак-Хан*, [в:] *Веретено. Книга первая*, Берлин, с. 25–30.

Бунин И. А., 2001, *Сочинения: Ночь отречения*, ред. Д. Д. Николаева, Москва.

Горький М., 1900, *Рассказы. Том второй*. Санкт-Петербург.: Издание Товарищества «Знание».

Горький М., 1913, *Сказки*, Москва.

Горький М., 1918, *Статьи 1905–1916 гг. Второе издание без цензурных изъятий и дополненное двумя статьями*, Пг. Парус.

Народные..., 1984: *Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В трех томах*, т. 1, Москва.

- Памятники..., 1981: *Памятники литературы Древней Руси: XIV– середина XV вв.*, Москва.
- Про Иванушку...: *Про Иванушку дурачка. Русская народная сказка. Пересказал М. Горький*, [в:] *Елка: Книжка для маленьких детей*, составили Александр Бенуа и К. Чуковский, Пг.: Парус, с. 37–38.
- Публицистика..., 2000, *Публицистика И. А. Бунина (1918–1952 гг.)*, вступ. статья О. Н. Михайлова, комм. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой, Москва.

Литература:

- Касторский С., 1956, *Горький и Бунин*, „Звезда” № 3, с. 144–153.
- Николаев Д., 2019, *Образ писателя в публицистике Бунина 1920 года*, „Acta Polono-Ruthenica”, т. XXIV, № 1, с. 75–94.
- Николаев Д. Д., 2001, *Миссия русского писателя. (Творчество И. А. Бунина 1920–1923 гг.)*, [в:] Бунин И. А., *Сочинения: Ночь отречения*, Москва (Литература русского зарубежья от А до Я), с. 5–60.
- Нинов А. А., 1964, *На рубеже века: (Горький и Бунин, 1899–1902 гг.)*, „Вопросы литературы” № 12, с. 130–147.
- Нинов А. А., 1973, *Бунин и Горький 1899–1918 гг.*, [в:] *Иван Бунин: В 2 кн. Книга вторая*. (Литературное наследство; т. 84), Москва, с. 7–65.
- Михайлов О. Н., 1966, «Деревня» Бунина и М. Горький, [в:] *Горький и русская литература начала XX века* („Горьковские чтения”? вып. 9), Москва, с. 34–61.
- Страпарола, 1993, *Приятные ночи. Ночь третья. Сказка I. Пьетро Дурак благодаря рыбине, именуемой тунцом, которую он поймал и которой сохранил жизнь, обрёл рассудок; он берёт себе женой Лучану, дочь короля Лучано, зачавшую от него ранее под влиянием колдовских чар*, Москва.
- Сурпин М. Л., 1966, *Возрождение реализма: (Горький и Бунин: Рассказы о народе 10–х гг.)*, [в:] *Проблемы русской литературы*, Ярославль, вып. 1, с. 195–235.

Sources:

- Bunin I., 1922, *Temir-Aksak-Khan*, [in:] Vereteno. *Kniga pervaya*, Berlin, pp. 25–30.
- Bunin I. A., 2001, *Sochineniya: Noch otrencheniya*, ed. D. D. Nikolaev, Moskva.
- Gor'kiy M., 1900, *Rasskazy. Tom vtoroy*. Sankt-Peterburg.: Izdanie Tovarishchestva «Znaniye».
- Gor'kiy M., 1913, *Skazki*, Moskva.
- Gor'kiy M., 1918, *Stat'i 1905–1916 gg. Vtoroe izdaniye bez cenzurnykh iz'yatyi i dopolnennoye dvumya stat'yami*, Pg. Parus.
- Narodnye..., 1984: *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: V trekh tomakh*, vol. 1, Moskva.
- Pamyatniki..., 1981: *Pamyatniki literatury Drevnej Rusi: XIV– sredina XV vv.*, Moskva.
- Pro Ivanushku...: *Pro Ivanushku durachka. Russkaya narodnaya skazka. Pereskazal M. Gor'kiy*, [in:] *Elka: Knizhka dlya malen'kikh detey*, ed. Aleksandr Benua & K. Chukovskiy, Pg.: Parus, pp. 37–38.

Publitsistika..., 2000, *Publitsistika I. A. Bunina (1918–1952 gg.)*, eds. O. N. Mikhaylov, S. N. Morozov, D. D. Nikolaev, E. M. Trubilova, Moskva.

References:

- Kastorskij S., 1956, *Gor'kiy i Bunin*, „Zvezda” № 3, pp. 144–153.
- Nikolaev D., 2019, *Obraz pisatelya v publicistike Bunina 1920 goda*, „Acta Polono-Ruthenica”, t. XXIV, № 1, pp. 75–94.
- Nikolaev D. D., 2001, *Missiya russkogo pisatelya. (Tvorčestvo I. A. Bunina 1920–1923 gg.)*, [in:] Bunin I. A., *Sočineniya: Noč' otrečeniya*, Moskva (Literatura russkogo zarubezh'ya ot A do YA), pp. 5-60.
- Ninov A. A., 1964, *Na rubezhe veka: (Gor'kiy i Bunin, 1899–1902 gg.)*, „Voprosy literatury” no 12, pp. 130–147.
- Ninov A. A., 1973, *Bunin i Gor'kiy 1899–1918 gg.*, [in:] *Ivan Bunin: V 2 kn. Kniga vtoraya.* (Literaturnoe nasledstvo; vol. 84), Moskva, pp. 7–65.
- Mikhaylov O. N., 1966, «*Derevnya*» Bunina i M. Gor'kiy, [in:] *Gor'kiy i russkaya literatura načala XX veka* („Gor'kovskie chteniya” vol. 9), Moskva, pp. 34–61.
- Straparola, 1993, *Priyatnye noči. Noč' tret'ya. Skazka I. P'etro Durak blagodarya rybne, imenuemoj tuncom, kotoruû on pojmal i kotoroj sohranil zhizn', obrël rassudok; on berët sebe zhenoj Lučanu, doch' korolya Luchano, zachavshuyu ot nego raneye pod vliyaniem koldovskikh char*, Moskva.
- Surpin M. L., 1966, *Vozrozhdenie realizma: (Gor'kiy i Bunin: Rasskazy o narode 10–h gg.)*, [in:] *Problemy russkoy literatury*, Yaroslavl', vol. 1, pp. 195–235.